
ПРОЗРАЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК
ЮРГЕН
НАЧАТО
ОЛЖЕС ТАТАРИН

Олжес Татарин

Прозрачный человек. Юрген

«Автор»
2026

Татарин О.

Прозрачный человек. Юрген / О. Татарин — «Автор», 2026

СОН.Один и тот же, семь месяцев подряд, между тремя тридцатью и тремя пятьюдесятью — по расписанию, которое он не ставил. Звонок на дисковом аппарате. Голос сквозь воду. Серый свет. Запах лилий. И мать, которая не смотрит на человека у двери.Человек, который верит в данные, факты и перекрёстную проверку, получает данные, которых нет ни в одной базе. И чем дальше он идёт по следу, тем яснее становится: след ведёт не вперёд. След ведёт назад. К соседке, которая хранила фотографии в жестяной коробке из-под печенья. К зеркалу. К блокноту.НАЧАТО. Первая книга трилогии.

© Татарин О., 2026
© Автор, 2026

Олжес Татарин
Прозрачный человек. Юрген

ЧАСТЬ I. ПРОЗРАЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

ГЛАВА 1. СОН, КОТОРЫЙ НЕ ОТПУСКАЕТ

I

Сентябрь 2026 год.

Сон почти всегда одинаков. Меняется только голос — единственная живая деталь в мёртвой схеме. Не образ, не сюжет — голос. Телефонный звонок. Старый дисковый аппарат, не мобильный — те давно в музее. Диск вращается, цифры проходят под пальцем с коротким щелчком, и гудок. Один. Два. Три. Четыре. На пятом — снимают трубку. И голос. То мужской, то женский, то просто набор частот, будто говорят сквозь воду. Но слова всегда одни и те же: «С ней что-то случилось». Дальше — физиология, термины, которые я не могу разобрать. Медицинский язык. Я его не знаю. Сон обрывается на этом, будто кто-то нажал паузу на плеере. И в этой паузе — тишина. Не пустая, а плотная, будто воздух стал твёрже.

А потом — лицо.

Не сразу. Сначала — периферия. Чужие обои, которые помнят другие руки. Чужой свет, падающий из окна, которого нет в моей квартире. И запах — цветочный, тягучий, удушающий. Так пахнут лилии, которые забыли выбросить, и они уже начали гнить в собственной пыльце. И на этом фоне — силуэт. Мужчина. Стоит у двери, одна рука в кармане, вторая висит свободно. Он не двигается. Просто стоит. Но от него исходит что-то, для чего у меня нет слова. Он слишком хорошо стоит. Как человек, который заранее знает, куда поставит ногу.

И — мать.

Она не смотрит на него. Вот — главная деталь, единственная, которую я запоминаю: она не смотрит. Спиной к нему. Лицом — к окну. За окном — ничего. Серый свет, тяжёлый, как мокрое сукно. Свет перед дождём, который никогда не начинается. И в этом «не смотрит» — то, что я потом, уже наяву, буду месяцами пытаться сформулировать и не смогу. Не страх. Не гнев. Что-то, для чего у меня нет слова.

И — обрыв. Телефонный звонок, лицо, не-взгляд, серый свет — всё исчезает, как обрыв плёнки. И я просыпаюсь.

***

II

Три сорок две. Зелёные цифры на телефоне, свет аквариума. Знакомое время. Сон приходит между тремя тридцатью и тремя пятьюдесятью — всегда. Расписание, которому я не ставил.

Лежу. Не шевелюсь. Трещина в потолке — длинная, тонкая, от угла к центру. Я знаю её наизусть, как карту вен на собственной руке. За семь месяцев снов изучил её лучше, чем собственное лицо в зеркале.

Встаю. Ноги — на холодный линолеум. Это помогает. Холод — якорь, привязка к реальности. Сон уходит не сразу: держится, как запах, ещё несколько секунд висит в воздухе. Лилии. Их здесь нет. Не было никогда. Но запах — есть.

Холодильник на кухне гудит низко, утробно. Достаю воду. Пью. Нейтральная, без вкуса, без запаха. Возвращает.

Красноярск в четыре утра — тихий. Редкая машина, и всё. Иногда — ветер с Енисея, если открыть форточку. Он приносит запах большой воды и остывающего камня. Я не открываю.

Сон. Снова. Один и тот же. Седьмой месяц подряд.

Я — частный детектив. Тридцать два года, лицензия, кабинет в центре. Две базы данных, три платных сервиса, сорок восемь часов — столько мне нужно, чтобы найти человека в этом городе. Я хорош. Не скромничаю — факт. Я хорош, потому что не верю в интуицию, не доверяю чуйке и не молюсь на опыт. Я верю в данные. В факты. В перекрёстную проверку.

Но сон — это не данные. Сон — это шум. Набор обрывков, который не складывается в систему. И именно поэтому он меня бесит.

***

III

Кофе — растворимый, без затей. Пью стоя, у окна. Город — тёмный, редкие фонари режут туман пополам. Сентябрь. В Сибири сентябрь — это уже не осень, а репетиция зимы. Воздух стеклянный.

Сон. Давай разберём.
Допрашиваю сам себя, как свидетеля. Что есть?

Звонок. Голос сообщает о смерти. Чьей? — матери. Моей матери? — биологической. Я знаю, что она умерла. Это не секрет — факт. Мне было шесть. Причина — острая сердечная недостаточность. Так написано в документах, которые я видел в двадцать один год, когда впервые захотел узнать. Тогда прочитал, закрыл папку и поставил на полку. Не потому что не было вопросов — потому что не было повода. Сердце отказало, женщина тридцати пяти лет — стандартная история. Скучная. Не моя.

Но сон — не скучный. Сон — не про смерть. Сон — про лицо.

Мужчина у двери. Кто? — я его знаю. Знал. В детстве. Как? — друг матери. Это единственное, что я помню со стопроцентной уверенностью. Не имя, не фамилию — ощущение. Он приходил в дом. Приходил часто. Приносил что-то: игрушку, шоколадку, сок. Разговаривал с матерью на кухне — тихо, долго. Я сидел в комнате и слышал их голоса — не слова, а

интонации. Его — тёплая, мягкая, с лёгким смешком. Её — тише, чем обычно. Она с ним была тише, чем с другими. Не грустная — нет. Осторожная.

И — последнее. Самое важное. Единственное, что повторяется в каждом сне, без изменений: она не смотрит на него. Он стоит — она сидит. Он — лицом к ней, она — спиной. И в этом «не смотрит» — всё.

Мужчина у двери. Друг матери. Мне нужно его имя.

***

IV

Утро. Кофе, душ, одежда. Квартира — однокомнатная, на Карла Маркса, третий этаж, окно на восток. Ничего лишнего: кровать, стол, шкаф, полка с книгами — стоицизм, детективная методология, Чандлер. Перечитываю. Я провел пальцем по корешку Чандлера. Твердая, знакомая геометрия

На стене — ни одной фотографии. Я не люблю фотографии. Они фиксируют то, что прошло, а я работаю с тем, что есть.

Офис — двадцать минут на автобусе. Второй этаж, кабинет с табличкой «Частный детектив Ю. Г. Новицкий». На дверце изнутри — вырезка из газеты, заламинированная: «Тело нашли через трое суток. Следов не осталось». Не моя заметка — просто рабочая. Напоминание о том, что бывает, когда детектив работает плохо. Повесил в первый день. С тех пор не снимал.

В коридоре, когда прохожу мимо коллег, слышу за спиной негромкое: «Юрген». Не громко, не напоказ — так, чтобы только я услышал. Прозвище из армии. Первые буквы имени и отчества, твёрдо, по-уставному, без лишних слогов. Для своих. Для тех, с кем в одном окопе, в одном рейсе, в одной смене. Сейчас так зовут только те, кто знает меня давно и относится с уважением — не панибратски, а как к человеку, на которого можно положиться. И каждый раз, когда слышу это, будто на секунду возвращаюсь в тот ритм — чёткий, без суеты, где каждое слово стоит на своём месте.

Сейчас мне это почти не нужно. Сейчас я — Юрий Геннадьевич. Строго. Официально. Так, чтобы сразу было понятно: я не про эмоции, я про результат.

***

V

В кабинете — ноут, две базы, кофе. Работы нет — сегодня нет. Вчера закончил дело: страховое мошенничество, владелец автосервиса, поджог собственного гаража. Доказал за три дня. Классика. Скучно.

Не работается. Мысли — не туда. Сон — как заноза: сидит, мешает, и чем больше стараешься не замечать, тем глубже лезет.

Ладно.

Открываю ноут. Не базы — поисковик. Вбиваю то, что не вбивал никогда, потому что не было повода: «внезапная сердечная недостаточность молодая женщина причина».

Подушечка указательного пальца всё ещё помнила шершавость старых обоев из сна. Факт против ощущения. Ощущение побеждало, и это меня бесило.

Сотни результатов. Медицинские справочники, форумы, статистика. Ничего криминального — но я и не знал, что ищу. Сужаю, перебираю — и отсеиваю всё, потому что всё не то.

Откидываюсь в кресле. Пластик подлокотника скрипнул — дешевый, офисный. Раздражает. Не туда копаю. Сон — не про медицину. Я ударил кулаком по столу. Не сильно. Просто чтобы вызвать звук. Сон — про того человека. Мужчину у двери. Друга матери.

Я не знаю его имени.

— Имя, — сказал я вслух. — Мне нужно имя.

Голос прозвучал глухо. В пустой комнате звуки живут дольше, чем люди. Я помнил это с детства в Железногорске».

Стоп. Это — неправда. Я знаю. Не имя — но знаю, что можно найти. Мама называла это «губка». Я впитывал — лица, запахи, интонации, которые слышал мимоходом. Не запоминал — впитывал. Разница — как между «записать» и «пропитать». Записаное можно стереть. Пропитанное — остаётся.

Двадцать шесть лет спустя сон сделал из этого силуэт. Но память — не база. Силуэт без имени, без лица — это не зацепка. Это — ощущение. А я не работаю с ощущениями.

Хотя — работаю ли? Двадцать шесть лет я называю это «губкой» — и ничего не делаю с этим. Не потому что не верю — потому что не знаю, куда поставить. В досье нет графы «впитывает чужие интонации». В методологии нет раздела «помнит запах человека, которого не видел четверть века». Это — не метод. Это — что? Дар? Шум? Наследство?

Я смотрел на экран. Потом закрыл ноут. Откинулся. Посидел.

Потом открыл снова — и перешёл в личную папку. Не рабочую — личную. Три года назад, когда получил лицензию, я собрал на себя досье. Автопортрет. Хотел понять, что знаю о себе — и понял, что почти ничего.

Мать — Марина Володина, 1965 года рождения, умерла в 2000 году. Причина — острая сердечная недостаточность. Место — больница, Красноярск. Та самая, в которую меня привезли после того, как… — дальше.

Отец — в досье прочерк. Неизвестен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.